

Тема того, каким именно родом деятельности занимался мастер Деллак, в разговоре никогда не всплывала, а Валентин Драшер был не в том положении, чтобы задавать вопросы и лезть не в свое дело. Конечно, мастер Деллак был успешным человеком, одним из наиболее заметных богачей на пыльном пространстве Костяного Берега. У Драшера была одна-две мысли на этот счет, но он решил, что безопаснее, пожалуй, будет этого не знать. Он просто делал то, что ему было сказано. Дважды в неделю, после работы, он посещал поместье мастера Деллака, расположенное среди холмов, чтобы на частной основе оказать свои специализированные услуги в обмен на обговоренную плату. И, в любом случае, не задавать вопросов.

Иногда мастер Деллак добавлял к оплате подарок — копченую ветчину, упаковку дорогого, изысканного печенья, а порой даже бутылку привозного вина. Драшер знал, что может получить неплохие деньги за эти продукты, но всегда оставлял их себе. Не то что бы он был жаден или любил гурманствовать — хотя, Трон знает, прошло много, очень много времени с тех пор, как Валентин Драшер наслаждался хоть какой-то роскошью. Он делал это потому, что существовала черта, которую Драшер не был готов перейти. За долгие годы он потерял так много всего, что составляло его жизнь, его респектабельность и добрую репутацию, что крепко держался за то, что у него еще оставалось.

Кроме того, он был кротким человеком и слишком боялся, что его поймают.

Поздно вечером в один хвалебник Драшер возвращался из дома Деллака в Калостер. Он приходил в поместье и покидал его пешком — целое путешествие, не меньше часа в один конец. Деллак ни разу не предложил ему транспортер, несмотря на то, что у него был водитель. Драшер пытался воспринимать эти походы раз в две недели как вполне достойное упражнение для мужчины его возраста, которое должно приносить пользу, однако к тому времени, как он приходил к своему обиталищу на улице Амон, он всегда чувствовал усталость.

Солнце зашло, и небо над маленьким прибрежным городом стало мраморно-розовым. Ночной ветер поднимал и рассеивал клубы белой пыли с дюн по ту сторону дороги в город, и Калостер выглядел темным, как будто каждое окно было закрыто ставнями.

Здесь отсутствовала ночная жизнь, никуда нельзя было скрыться от скромности и тишины маленького города. Но вдобавок к заработку, лежащему в кармане верхнего платья, Драшер нес в сумке кусок хорошей грудинки. Он будет сытно ужинать по меньшей мере несколько дней.

Улица Амон, застроенная доходными домами, тянулась под горку от площади Аквилы до ржавых причалов и заброшенных рыбзаводов. От старости и недостатка ухода дома приобрели грязно-коричневый цвет, а их крыши нуждались в починке. Воздух был пропитан зловонием от печей для обжига извести, расположенных прямо через дорогу. Драшер снимал комнаты на четвертом этаже дома номер семьдесят.

Чуть дальше по улице был припаркован большой черный транспортер с хромированными фарами. Драшер заметил его, пока рылся в карманах в поисках ключа, но не слишком этим озаботился. Он поднялся к своей двери по узкой деревянной лестнице.

Только войдя в свою комнатушку, он понял, что в ней уже кто-то есть.

Мужчина был крепкого сложения и довольно-таки уродлив. Тяжелые брови, грива густых темных волос, бесформенное, асимметричное лицо. На нем был застегнутый на все пуговицы костюм из толстой черной саржи и тяжелый кожаный плащ, тоже черного цвета. Он удобно расселся напротив двери на деревянном стуле с решетчатой спинкой, дожидаясь его.

— Что вы... — начал Драшер. Голос получился слабый и писклявый.

— Вы Драшер? — спросил мужчина.

— Да. А что? Что вы тут делаете? Это моя...

— Валентин Драшер? — с нажимом переспросил мужчина, бросив взгляд на маленький инфопланшет в левой руке. — Магос биологис? Тут написано, что вам сорок семь. Это правда? Выглядите старше.

— Я — Валентин Драшер, — ответил Драшер, слишком напуганный, чтобы оскорбиться. — К чему это? Кто вы?

— Присядьте, магос. Сюда, пожалуйста. Положите сумку на стол.

Драшер сделал, как было сказано. Сердце колотилось, кожа стала влажной от пота. У него появилось ужасное чувство осознания того, к чему все идет.

— Меня зовут Фалкен, — сказал человек и мельком показал ему документ. Драшер сглотнул, увидев серебряную печать Магистратума с маленькой оранжевой ленточкой — знаком Отдела Военного Управления.

— Давно ли вы пребываете на Гершоме?

— А... четырнадцать лет. Четырнадцать лет этой зимой.

— А здесь, в Калостере?

— Только восемнадцать месяцев.

Мужчина снова взглянул на экран.

— По данным Центрального архива вас нанял Администратум для преподавания естественной истории в местной школе.

— Все правильно. Мои документы в полном порядке.

— Но вы — магос биологис, а не учитель.

— Этот мир предоставляет не лучшие рабочие перспективы для человека моей профессии. Я беру ту работу, какую могу выполнить. Учительского жалованья, предоставляемого Администратумом, хватает, чтобы иметь крышу над головой.

Мужчина поджал губы.

— Если перспектив для таких, как вы, здесь раз-два и обчелся, то это поднимает вопрос, почему вы вообще прибыли на Гершом? Не говоря уже о том, почему вы решили остаться здесь на четырнадцать лет.

Несмотря на страх, Драшер почувствовал себя уязвленным. Старая несправедливость снова вернулась, чтобы преследовать его.

— Когда я прибыл на этот мир, сэр, мне дали прибыльную работу. Сам лорд-губернатор был моим покровителем. Он поручил мне составить полную таксономию фауны этой планеты. Работа заняла семь лет, но ближе к концу появились затруднения...

— Затруднения?

— Юридического характера. Меня заставили остаться на планете еще на два года, поскольку я был свидетелем. Все деньги, заработанные мной, закончились. К тому времени, как дело было закрыто, я больше не мог позволить себе уехать на другую планету. С тех пор я живу здесь, зарабатываю на жизнь, чем могу.

Фалкен, похоже, не слишком заинтересовался его историей. Драшер по опыту знал, что она никому не интересна. На унылом захолустном мирке вроде Гершома каждый мог поведать свой собственный слезливый рассказ.

— Вы все смотрите на сумку, магос, — вдруг заметил Фалкен. — Почему это?

Драшер снова тяжело сглотнул. У него никогда не получалось лгать.

— Сэр, — сказал он тихо, — скажите мне, пожалуйста... Я имею в виду, будет ли мне лучше, если я сейчас во всем сознаюсь?

Фалкен моргнул, как будто удивившись, затем улыбнулся.

— Это хорошая идея, — сказал он, присаживаясь так, чтобы видеть лицо Драшера через низкий столик, на котором лежала сумка. — Почему бы вам этого не сделать?

— Мне стыдно, — сказал Драшер. — Я хочу сказать, это было глупо. Я знал, что Магистратум рано или поздно обнаружит. Просто... я был в очень трудном положении.

— Продолжайте.

— Администратум платит мне за мои услуги, а также дает право на определенный рацион, установленный Военным Управлением. Это, конечно же, если... если я не работаю где-то еще, чтобы получить добавку к зарплате.

— Естественно, — кивнул Фалкен. — Если нарушить правила, последует наказание. Оно может быть суровым.

Драшер вздохнул и показал Фалкену содержимое своей сумки.

— Есть человек, местный бизнесмен, который нанял меня. Два вечера в неделю. По частной договоренности. Он платит мне наличными, и никаких вопросов.

— Сколько?

— Две короны за вечер. У него дочь. Для нее он меня и приглашает...

Фалкен посмотрел на вещи, которые демонстрировал ему Драшер.

— Вы делаете это с его дочерью?

— Да. Он иногда наблюдает.

Фалкен встал.

— Ясно. Милая картина, не правда ли?

По какой-то причине Фалкен выглядел так, будто подавлял улыбку, словно что-то ужасно его

веселило.

— У меня серьезные проблемы? — спросил Драшер.

— Вам придется поехать со мной, — сказал Фалкен. — В Тихо.

— В Тихо?

— Маршал хочет поговорить с вами.

— О Трон! — выдохнул Драшер. — Я думал, может, просто штраф...

— Соберите вещи, магос. Все, что есть. Даю вам пять минут.

Имущества у Драшера было не много. Все поместилось в две небольшие сумки. Фалкен не предложил отнести их вниз, к транспортеру.

Уже совсем стемнело, наступила ночь. Когда включился двигатель, свет фар заполнил глубины улицы Амон.

Драшер сел вперед, рядом с офицером Магистратума. Они выехали через город на прибрежное шоссе и повернули на юг.

* * *

Города Южного Полуострова, среди них и Тихо, еще недавно были ареной жестокой гражданской войны, которая бушевала более десяти лет. Два года назад народное сепаратистское движение наконец было сломлено правительственными войсками, но к тому времени война окончательно ослабила и без того нездоровую экономику Гершома. Строгое военное правление Империи распространилось по всему Полуострову, Костяному берегу и через него — на Восточные провинции.

Гражданская война загрязнила воздух дымом и отравила прибрежные воды, погубив рыболовный промысел. Города Полуострова представляли собой руины, в которых Отдел Военного Управления восстанавливал закон Империи и помогал обнищавшему мирному населению.

Фалкен вел машину уже два часа, но не произнес и слова. Приглушенное вокс-устройство под приборной панелью потрескивало, передавая сообщения Магистратума, как будто бормоча во сне.

Драшер глядел из окна в темноту и на изредка вырисовывающиеся из нее черные развалины. Вот и все, подумал он. Гершом был его главным врагом. Он заманил его, молодого, блестящего ученого с не менее блестящим будущим, и заточил, словно муху в янтаре. Он иссушил Драшера, подавил его дух и сделал бедняком.

И теперь, после всех усилий заработать себе на хлеб, не говоря уже о билете с планеты, он намеревался его уничтожить. Позор. Бесчестие. Возможно, лишение свободы.

— Я не заслужил этого, — пробормотал он.

— Что? — спросил Фалкен из-за руля.

— Ничего.

Они начали проезжать мимо укрепленных дорожных застав, где бойцы Магистратума, носящие оранжевую ленточку Отдела Военного Управления, пропускали Фалкена взмахом руки. Теперь они въехали на сам Полуостров, в настоящую зону боевых действий. Мимо проплывали города-призраки, заброшенные, полуразрушенные, освещаемые прожекторами и сигнальными огнями военных. Темный ландшафт снаружи превратился в фосфоресцирующую пустошь, усеянную хрупкими стенами и пустыми жилблоками.

Тихо был главным городом на Полуострове, и, пока они ехали по его пустым улицам, четыре часа спустя после выезда из Калостера, Драшер мог видеть печальные последствия катастрофы — погнутые балки, кучи щебня, почерневшие от дыма строения. Его лицо, слабо освещенное огнями циферблатов на приборной панели, отражалось в окне, и его образ накладывался на руины. Бледный, худой, очкастый, с редкими седыми волосами. Драшер не был уверен, он ли похож на развалины Тихо или они на него.

Они остановились в центре города, у массивного, обветшавшего здания из ауслита.

— Оставьте сумки, — сказал Фалкен, выходя наружу. — Я попрошу их занести.

Драшер последовал за ним в высокий проход. В наполненном эхом атриуме туда-сюда сновали сотрудники Магистратума, с потолка свисали поникшие флаги Империи. Пахло антисептиком.

— Сюда, — показал Фалкен.

Он отвел Драшера к помещению на пятом этаже. Лифты не работали, и им пришлось воспользоваться лестницей. Фалкен оставил его ждать за тяжелой двойной дверью.

Было холодно, так как через треснувшие оконные стекла в дальнем конце коридора внутрь проникал ночной воздух. Драшер шагал взад и вперед. Он слышал, как дребезжат и щелкают

когитаторы в ближайших комнатах, и как изредка откуда-то снизу доносится крик. Потом он услышал смех из-за двойной двери.

Показался Фалкен. Он все еще усмехался.

— Все, можно входить, — сказал он.

Драшер вошел внутрь, и двери закрылись за ним. Офис был большой и мрачный, на потертом ковре стоял единственный металлический стол. С полдюжины тележек с проволочными корзинами были плотно набиты потрепанными папками и пакетами документов. Тихо жужжал когитатор. На стенах виднелись выцветшие пятна там, где раньше висели картины.

— Трон! Я тебя и не узнала, магос, — произнес женский голос.

Она стояла у окна, и ее силуэт вырисовывался на фоне ночного города, лежащего снаружи. Он сразу же узнал этот голос.

— Мэкс?

Жермен Мэкс шагнула ему навстречу с улыбкой на губах. Ее волосы по-прежнему были короткими, лицо — по-прежнему худым, и старый маленький шрам в виде зигзага, слева над ртом, все еще был заметен. Другой, более свежий шрам на лбу был наполовину скрыт под челкой.

— Привет, Валентин, — сказала она. — Сколько лет уже прошло? Пять?

Он кивнул.

— Представитель Мэкс...

Она покачала головой.

— Теперь уже — маршал Магистратума Мэкс. Глава Отдела Военного Управления в городе Тихо.

Он застыл на месте.

— Мадмуазель, я все могу объяснить. Я надеюсь, тот факт, что ты давно меня знаешь, может смягчить...

— Фалкен пошутил над тобой, магос.

— Извини, что?

Мэкс села за стол.

— Я послала Фалкена на побережье, чтоб он тебя привез. Трон его знает, почему ты вдруг начал ему исповедоваться. Совесть нечиста, а, Валентин?

— Я... — Драшер запнулся.

— Фалкен чуть со смеху не лопнул. Он сказал, мол, не думал, что сможет всю дорогу ехать с серьезным лицом. Ты что, думал, у тебя проблемы?

— Он... но ведь... я...

— Учил дочь какого-то мелкого вымогателя искусству акварели? Чтобы получать добавку к тем скудным грошам, которые выдает Админ? Да ладно, Валентин! Еще бы я заставила главного следователя ехать куда-то, чтоб арестовать тебя, гений ты наш криминальный.

Драшер почувствовал, что у него слегка кружится голова.

— Можно присесть? — спросил он.

Она кивнула, все еще посмеиваясь, и вынула из ящика письменного стола бутылку амасека и две стопки.

— Давай-ка выпей, грязный рецидивист, — ухмыльнулась она, протягивая ему одну из них.

— Я действительно не понимаю, что происходит... — сказал Драшер.

— Я тоже, — ответила она. — Вот поэтому мне нужна кое-какая помощь. Помощь знатока. Когда я сказала, что у тебя нет проблем, я солгала. С тобой лично — нет, но проблема есть здесь. И ты вот-вот в ней окажешься.

— Ох, — отозвался он.

— Выпей, — посоветовала Мэкс. — Там, куда мы сейчас пойдем, тебе это понадобится.

— С точки зрения знатока, — сказала она, — что могло это сделать?

Драшер долго смотрел на это, а затем извинился и вышел. Подкатывая к горлу, амасек казался

куда более горячим и жгучим, чем когда шел по нему вниз.

— Все в порядке? — спросила женщина.

Он вытер рот и, скрепя сердце, кивнул. Мэкс вытащила из кармана маленький сосуд и намазала его жирным на вид содержимым у себя под носом. Затем протянула руку и сделала то же с Драшером. Резкий камфорный запах оссцила заполнил его ноздри.

— Надо было сделать это прежде, чем входить, — извинилась Мэкс. — Старая хитрость медиков-мортус. Забивает вонь разложения.

Они снова зашли в морг. Это было прохладное помещение с полом, выложенным квадратной плиткой, покрытой розовато-лиловой эмалью. Через каждые несколько метров в пол были вделаны латунные отверстия, и в отдалении Драшер мог слышать постукивание капель, протекающих из шланга для очистки помещения. Мощные лампы-полосы наполняли помещение резким белым светом, словно покрыв все изморозью.

Труп лежал на стальной каталке рядом с машиной для вскрытия. На каталках неподалеку виднелись другие тела, отмеченные бирками и накрытые красными простынями.

— Ну как, еще раз взглянешь? — спросила Мэкс.

Драшер кивнул.

Она снова откинула красное покрывало.

Мужчина был наг, тело было белым и распухшим, как сваренный моллюск. Кисти, стопы и гениталии как будто сморщились от холода, а темные ногти отчетливо выделялись на фоне плоти. Черные волосы на груди и в паху были похожи на лапки насекомых.

При жизни его рост был примерно метр восемьдесят, прикинул Драшер, сражаясь с очередным рвотным позывом. Крепкого сложения. Синюшные пятна покрывали область поясницы, на ребрах также виднелись кровоподтеки более темного оттенка.

Его лицо и большая часть горла были откушены. Вместе с мягкими тканями исчезли и куски черепа. Отрезаны начисто, как будто огромными промышленными ножницами...

Драшер сглотнул и отвел взгляд в сторону.

— Животное, верно? — спросила Мэкс.

Драшер что-то пробормотал в ответ.

— Это было согласие?

— Похоже, что это укус, — сказал магос едва слышным голосом. — Очень глубокий и сильный. И еще... предположительно, признаки поедания. Вокруг лица и шеи.

— Животное, так? — повторила она.

— Полагаю, что да. Ни один человек не смог бы... так укусить.

— Я измерила радиус укуса. Точно, как ты учил. Помнишь, во Внешнем Юдаре? Я его замерила.

— Это хорошо.

— Двадцать сантиметров. А потом проверила. Никаких фрагментов зубов, все чисто. Короче, оно просто напрочь откусило ему лицо.

Драшер медленно повернулся.

— Мэкс? Что я здесь делаю?

— Помогаешь моему расследованию, — ответила она. — Я думала, мы это уже выяснили. Я заправляю в этой глухомани, здесь куча проблем, с которыми надо бороться, уж поверь мне... а затем происходит вот это вот дерьмо. Мне нужен был эксперт, и вдруг, о чудо, — старый друг, магос биологис Валентин Драшер, вдруг нашелся в Калостере, на должности учителя. Я и подумала: Мэкс, это же просто идеально. Когда-то мы так здорово работали вместе, а тут как раз нужен знаток биологии.

— Это замечательно...

— Приободришься, Валентин. Здесь еще и деньги светят. Я оплачу твой отпуск Магистратуму, и ты получишь втрое против того, что тебе платил Администратум. Эксперт-свидетель и все такое.

— Ты заведешь программой Военного Управления здесь, в Тихо, и используешь такие связи, чтобы я мог подумать над одним-единственным делом?

— Нет, — сказала Мэкс. — Наверное, это тоже надо было сказать раньше. Это не единственная жертва.

— Сколько других? — спросил он.

Мэкс сделала неопределенный жест, который охватывал все остальные каталки в помещении. Двадцать пять, тридцать, может, и больше.

— Ты шутишь?

— Хотела бы я... Что-то проедает сквозь народ широкую тропу.

Драшер собрался с духом, повернулся обратно к голому трупу и заменил свои обычные очки на очки для чтения.

— Флюоресцентную лампу, пожалуйста. И микролупу.

— Она подала ему лупу с тележки для вскрытий и подняла лампу, заливая голубым светом изуродованный череп мертвеца.

Драшер взял стальной щуп и аккуратно убрал край одного из обнаженных выступов кости. Он с трудом заставил остаться на месте содержимое своего желудка.

— Нет фрагментов зубов.

— Я же говорила.

— Нет вообще ничего, — сказал он. — Нет даже бацилл, которые следовало бы ожидать в ране, нанесенной хищником. Это было не животное. Это не укус.

— Что?

— Рана слишком чистая. Я бы сказал, нужно искать человека с пиломечом.

Мэкс покачала головой.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что, если бы по центру Тихо бегал маньяк с пиломечом, я бы об этом знала. Валентин, это животное.

— Как ты можешь быть в этом настолько уверена? — спросил он.

— Поехали, — ответила она. — Я тебе покажу.

В свете фар транспортера показалась надпись над коваными железными воротами. «Сады Тихо».

— До гражданской войны они были довольно плотно заселены, — сказала она, притормаживая.
— Крупнейший ксенозверинец на планете. У местного губернатора был бзик на экзотических животных.

— И?

— И его разбомбили во время войны, Валентин. Некоторые животные погибли, но многие сбежали. Я думаю, что одно из них бродит по развалинам Тихо — голодное, беспризорное, убивающее людей.

— И поэтому... — начал он.

— Поэтому мне нужен магос биологис, — закончила она.

Они остановились и вышли. В садах было темно и тихо. До рассвета оставалось еще часа два. В воздухе царила затхлая вонь, исходящая от пустых клеток и сырых рокритовых загонов.

Мэкс дала Драшеру фонарь и взяла в руку другой. Они шли рядом, шаря вокруг лучами, и зернистая почва хрустела под их ногами.

Сады Тихо были устроены весьма непритязательно. Драшер вспомнил Трациан Примарис и его великолепные залы, заполненные ксенофауной, где он побывал еще в молодости. Там в вольерах и загонах для драгоценных экспонатов воссоздавалась идеальная среда обитания, зачастую в них была собственная атмосфера, а порой даже искусственная гравитация.

Подобные знания — и деньги на их применение — в Тихо были недоступны. Здесь стояли обычные клетки, местами — бронированные резервуары, где экзотические существа из дальних уголков Империи доживали свой век на Гершоме, в достойном жалости заточении.

Драшер хорошо знал, как они себя чувствовали.

— Если его держали в такой клетке, Мэкс, то оно наверняка сошло с ума, — сказал он.

— Животное?

— Животное. В столь скверных условиях это обычное явление. Звери, которых содержат в примитивных клетках, часто вырабатывают поведенческие проблемы. Они становятся непредсказуемыми. Озлобленными.

— Но если это и так хищник... — начала она.

— Даже у хищников есть определенные линии поведения. Они должны охотиться, размножаться, защищать территорию. Если не давать им этого делать, линия нарушается.

— Это так важно? Почему? — спросила она.

— Если это плотоядное животное, и я подозреваю, что это так, оно не ест свою добычу. Вернее, ест, но совсем немного. Оно убивает, просто чтобы убить.

— Как тот зверь с холмов? — тихо произнесла она, вспоминая тревожную зиму во Внешнем Юдаре.

— Нет, — ответил он. — Тот зверь был другим. Убийство было его обычным поведением. А здесь у нас отклонение.

Они шли все дальше, и Драшер начал замечать ужасный урон, нанесенный Садам в ходе войны. Разбитые бомбами вольеры, кучи обломков, пласталевые клетки, сорванные с опор.

И кости.

В неповрежденных загонах также лежали трупы. Обмякшие мешки высохшей плоти, разбросанные позвонки, тягостное зловоние навоза и разложения. Ряд плетеных из проволоки куполов, в которых когда-то содержались редкие птицы, был весь усыпан яркими перьями. На проволочную решетку налипли комья пуха — свидетельство того, как неистово пытались освободиться умирающие от голода животные. Это напомнило Драшеру клетки барона Карнэ, где в тесноте содержалась домашняя птица.

— Мы думали, что все здесь умерло, — сказала Мэкс. — Когда мы впервые сюда добрались, стояла страшная вонь. Понятно, никого не кормили и ничего не чистили месяцами. Все, кто находился в закрытых клетках, погибли, кроме одного отощалого коня-дромадера, который жил на собственных жировых запасах, да и тот издох через несколько дней после того, как мы его выпустили. Как мы поняли, животные в клетках, куда попали бомбы, тоже были уничтожены, хотя в Нижних Притонах видели несколько сбежавших певчих обезьянок — странные мелкие твари — а Фалкен клянется, что как-то вечером видел животное, пасущееся на улице Леманд, хотя я думаю, что он был пьян.

— Значит, если какое-то животное бродит на свободе, оно вышло из поврежденной бомбой клетки? — предположил Драшер.

Она пожала плечами.

— Если только какой-то добрый гражданин не пришел сюда во время войны, выпустил зверя наружу и снова закрыл клетку. Некоторые из них пусты, хотя по списку неясно, может, в них просто не заселили животных. Он на несколько лет устарел.

— У тебя есть список?

Мэкс кивнула и вытащила из своего пальто инфопланшет.

— Я выделила все экспонаты, которые находились в разбомбленной области, и все, что было связано с пустыми клетками. Во имя Трона, Валентин, я с первого раза не разобралась, кем была половина этих животных. Хорошо, что с нами теперь есть специалист.

Он начал просматривать список.

— Так это может быть любое из выделенных существ или вообще любое, если учитывать тот факт, что состав животных мог меняться или их могли переселять уже после создания списка?

Она собиралась ответить, когда зазвенел вокс-линк. Эта высокая короткая нота заставила Драшера подпрыгнуть на месте. Мэкс приняла звонок.

— Пора идти, — сказала она, поворачиваясь обратно к выходу. — Меня зовут дела. Какие-то пьяные идиоты устроили в таверне драку после комендантского часа.

— Мне надо идти с тобой? — спросил он.

Она обернулась и посветила фонарем ему в лицо.

— Нет. А что, ты хотел бы остаться здесь?

Драшер посмотрел по сторонам.

— Не очень, — сказал он.

Они ехали по пустынным улицам, на которых стояли лишь выгоревшие остовы транспорта да порой проезжали машины Магистратума, мчащиеся куда-то по вызову. Он сидел на пассажирском сиденье, изучая инфопланшет и подскакивая на ухабах неровной дороги. В нем начало просыпаться облегчение от того, что ему все-таки не грозили позор и заключение. Какая-то часть его злилась на Фалкена за этот розыгрыш, но по большей части он испытывал презрение к самому себе и своей глупости. Гершом не был его главным врагом. Им был сам

Валентин Драшер, и вся его загубленная жизнь была свидетельством тому, как он старательно сворачивал не туда на каждой развилке, предложенной судьбой.

— Ты поседел, — сказала Мэкс, не отрывая взгляд от дороги.

Он поднял глаза.

— Я перестал красить волосы.

— Ты их красил? — спросила она. Он не ответил.

— Так ты перерос тщеславие, Валентин? — усмехнулась она.

— Нет. Просто больше не было на это денег.

Она засмеялась, но он был уверен, что уловил сочувствие в ее голосе.

— Мне нравится, — сказала она через какое-то время. — Это тебя выделяет.

— Ты совсем не изменилась, — заметил он.

Она замедлила транспорт и остановилась у обшарпанного здания, рядом с которым сотрудники Магистратума пытались утихомирить девять или десять дерущихся мужчин. На тротуаре виднелась кровь, и воздух был наполнен светом мигалок на бронированных патрульных машинах.

Мэкс вышла наружу.

— Оставайся тут, — сказала она и обернулась, глядя на него через раскрытую дверь. — А это хорошо?

— Что? — спросил он.

— То, что я не изменилась?

— Никогда не думал, что тебя стоило бы улучшить, — ответил он и тут же пришел в ужас от того, что позволил себе столь открытое заявление.

Мэкс рассмеялась, а потом захлопнула дверь.

Драшер сидел в замкнутой тишине транспортера и какое-то время смотрел, как она бросилась в бой с дубинкой наперевес и начала наводить порядок. Потом он переключил внимание обратно на инфопланшет.

Прошло какое-то время.

Дверь с водительской стороны открылась, и транспортер закачался на рессорах, когда она залезла внутрь.

— Я думаю, мы ищем карнодона, — сообщил он.

— Да? — спросила она, заводя мотор. Транспорт рванулся с места, быстро набирая скорость.

— Да. Ну, это я так рассудил из того, что здесь дано. Я могу ошибаться, если зверей меняли местами после того, как был составлен список, но в целом это простой метод исключения.

— Насколько простой? — спросила она, так быстро сворачивая за угол, что шины пронзительно завизжали.

— В разбомбленных загонах значатся всего четыре хищника. Сбрасываем со счета мирпуанскую пищууху, так как она делает инъекцию, а не кусает.

— Как это?

— Она вонзает в свою добычу длинный хоботок и разжижает внутренние органы, а затем высасывает.

— Достаточно.

— В общем, у нее нет рта.

— Понятно, понятно.

— Поэтому никаких укусов.

— Так.

— Так, поэтому заурепт с Бронтофафа тоже уходит из списка.

Мэкс переключила передачу и помчалась по другому пустому бульвару.

— Почему?

— Потому что он размером с жилблок. Фалкен бы его и трезвым обязательно заметил.

Она ухмыльнулась.

— А вот когтехват с Ламсаротты — его тоже можно вычеркнуть. Этот зверь из кошачьих, но он слишком слаб, чтобы нанести раны, которые ты мне показывала. Кроме того, сомневаюсь, что он мог бы долго прожить в этом климате за пределами обогреваемого вольера.

— Так что остается только — как ты его назвал? — спросила она.

— Карнодон. С Гудрун. Трон, да здесь просто нельзя было его держать. Они почти вымерли и значатся в запретном списке Администратума. Это тоже кошачье, но большое и обитает в умеренном климате.

— Насколько большое?

— Пять-шесть метров, масса где-то восемьсот кило. Вполне может откусить человеку лицо.

— Так вот, магос биологис, как ловить карнодона? — спросила она, поворачивая руль.

Драшер взглянул на нее.

— Мы... мы едем довольно быстро, Мэкс, — сказал он. — Еще один вызов?

— Да, — ответила она.

— Снова нарушение комендантского часа? — спросил он.

Мэкс покачала головой.

— Вопрос остается в силе, Валентин. Как ловить карнодона?

Жилые блоки жались друг к другу на северной оконечности города, формируя тесные, заговорщицкие узлы. Каждый стек окружала многоакровая пустошь, усыпанная мусором — отбросами войны и нищеты. В этом разбитом снарядами пригороде прошло немало яростных сражений гражданской войны.

Мэкс замедлила транспортер и осторожно повела его среди куч битого кирпича. Они

приближались к одной из самых обветшалых башен. Впереди в свете ламп вырисовались два транспортера Магистратума, припаркованных у погрузочной платформы стека. Рядом с ними стоял тяжелый катафалк с распахнутым задним люком.

— Пошли, — сказала Мэкс.

Драшер вышел, вдохнул холодный предрассветный воздух. Четырехугольники блоков отчетливо выделялись на фоне неба, медленно наливающегося золотистым сиянием. Он почуял сладковатую вонь гниющего мусора и неприятный запах мокрого рокрита.

— Захвати фонарь, — сказала Мэкс и пошла по изрытой земле к группе сотрудников Магистратума, ожидающих у входа в стек. Поговорив с двумя из них, она жестом позвала Драшера идти за собой.

Мэкс и Драшер вошли в широкий проем и начали взбираться по неровной лестнице.

— Они туда не совались, так что ты сможешь первым осмотреть место убийства, — сказала она.

Драшер сделал глубокий вдох. Они поднялись на пятый этаж.

— Поторопись, — окликнула она.

— Подожди, — ответил он. Драшер наклонился, чтобы изучить шершавую стену, дотронулся кончиками пальцев к темному пятну посреди лишайника, затем понюхал их.

— Вечно ты что-нибудь найдешь, — заметила Мэкс, спускаясь обратно к нему.

— Я думал, ты меня для этого и наняла, — сказал он. — Понюхай. Очень сильный запах аммиака. Другие органические вещества, феромоны. Это отметка территории. Животное опрыскало стену.

— То есть?

— Пометило ее запахом с помощью мочи.

— И ты хочешь, чтоб я это нюхала?

Драшер взглянул на нее снизу вверх.

— Это типичнейшее поведение кошачьих. Величина потека предполагает большой объем, так что мы ищем нечто крупное.

— Карнодона?

— Это ему подходит.

— Посмотрим, подойдет ли это, — сказала она.

Заброшенный стек давно стал прибежищем бродяг, и контакт с Магистратумом для этих обездоленных людей был редкостью. Но один из них оказался достаточно напуган, чтобы поднять тревогу, когда услышал шум на пятом этаже.

В этой квартире было четыре комнаты: кухня, она же столовая, спальное помещение, гостиная и небольшая кабина для мытья. Отовсюду несло плесенью.

Был и другой запах, который Драшер не ощущал со времен Внешнего Юдара.

Кровь.

Бригада из Магистратума установила лампы на высоких подставках, чтобы осветить место происшествия, а также сделала записи и пикты.

— Ступай осторожнее, — посоветовала Мэкс.

Когда они вошли внутрь, запах стал интенсивнее. Труп находился в гостиной. Даже Мэкс, привычной к уродливым сторонам жизни, пришлось на мгновение отвернуться.

Тело принадлежало старой женщине. Ноги, одетые в грязные рейтузы и поддерживающие чулки, остались нетронуты. Туловище было обнажено до костей, а сами кости выломаны, чтобы нечто, пожиравшее тело, могло добраться до мягких органов. Руки и голова отсутствовали.

Тело принадлежало старой женщине. Ноги, одетые в грязные рейтузы и поддерживающие чулки, остались нетронуты. Туловище было обнажено до костей, а сами кости выломаны, чтобы нечто, пожиравшее тело, могло добраться до мягких органов. Руки и голова отсутствовали.

— Мне сказали, голова там, — сообщила Мэкс, показывая на кухню.

Драшер взглянул в дверной проем и увидел какой-то разбитый коричневый объект, который выглядел, как растрескавшийся глиняный горшок. За исключением того, что на нем еще оставалось немного седых волос.

— Что это тут? — крикнула Мэкс из спальни. Луч ее фонаря осветил разломанную коричневую палку.

— Кость руки, — ответил Драшер. — Ее раскололи, чтоб добраться до мозга.

Он был удивительно бесстрастен. Перед ним было, возможно, самое ужасающее зрелище из тех, что он когда-либо видел, но профессиональная отрешенность скрадывала отвращение. Магос биологис внутри него был заморожен этим убийством.

— Я думаю, она была уже мертва, — сказал он. — Это поведение падальщика. Тщательное исследование трупа сможет это подтвердить. Животное, которое ело труп, было довольно крупным, но не торопилось. Оно питалось не спеша, уничтожая тело кусок за куском, в первую очередь поглощая наиболее питательные части. Не было борьбы, не было убийства, хотя карнодон наверняка наделал много шума, пожирая труп.

— Карнодон? — переспросила она. — Ты уверен?

— Я поставил бы на это свою профессиональную квалификацию, — заверил он. — Если она чего-то стоит.

— Ясно, — Мэкс глубоко вдохнула. — Так что, можно попросить их прибраться?

— Да, — ответил Драшер.

— Может, ты что-нибудь достанешь? Например, я не знаю, — архивный пикт, ну, или сделаешь скетч акварелью — они у тебя здорово получаются. Чтобы мы знали, кого ищем.

— С удовольствием, — ответил он.

— Хорошо, — сказала Мэкс. — Ты выглядишь так, будто тебе надо выспаться.

Он пожал плечами и спросил:

— А куда меня разместит Магистратум?

— Мы найдем место, — ответила Мэкс.

Место оказалось драным диваном в пустой комнате по соседству с офисом Мэкс. По несвежему белью можно было догадаться, что здесь регулярно спал кто-то другой. Драшер слишком устал, чтобы жаловаться. Кроме того, на протяжении всех его отношений с планетой Гершом подобное было вполне в порядке вещей.

Он уснул всего через несколько минут после того, как лег.

Проснулся он довольно резко и понял, что проспал всего пару часов. Еще только занимался рассвет. Как часто случалось, отдых освободил его разум, и теперь в голове звенела идея — так сильно, что пробудила его. Драшер чувствовал, что странным образом наполнен энергией. После долгих лет скучной бесперспективной работы, наконец, понадобилось применение основной области его знаний, и он пользовался старыми навыками, которые уже начинал считать давным-давно утраченными. Он чувствовал себя почти как магос биологис.

Драшер встал, заправил в брюки рубашку, обулся. В здании было тихо, словно оно вымерло. Он вышел в коридор и постучал в дверь офиса Мэкс. Не получив ответа, он вошел и стал рыться в документах, сложенных в проволочных корзинах.

Позади раздался металлический щелчок, и он обернулся. У стола стояла Мэкс, волосы ее были растрепаны. Пистолет, направленный на него, медленно опускался.

— Это ты, — проворчала она. Глаза у нее были опухшие ото сна.

— Трон! — воскликнул он. — Где ты была?

Потирая лицо, она показала на пол за столом, где Драшер увидел несколько диванных подушек и смятое одеяло.

— Ты спала на полу под столом? — спросил он.

Она прочистила горло и засунула пистолет в кобуру на поясе. Вид у нее был недовольный и усталый.

— Ну, ты ж занял мою постель, забыл, что ли? — резко сказала она.

— Ох, — вымолвил он.

Мэкс подобрала свою обувь и пошлепала к двери кабинета. Высунувшись наружу, она завопила:

— Дежурный! Два кофеина мне, пока я кого-нибудь не пристрелила!

Затем она села на ковер и начала натягивать ботинки.

— Который час? — сварливо поинтересовалась она.

— Еще рано. Извини.

— Что ты там делал?

— Хотел почитать данные вскрытий. О жертвах. Есть одна вещь, которую я хотел проверить.

— Вон в той куче, — показала Мэкс. — Нет, с другого конца.

Драшер начал просматривать папки, морщась, когда натыкался на какие-то особо неприятные пикты. Мэкс покинула комнату, вероятно, чтобы найти и убить того, кто медлил с кофеином.

Когда она вернулась, Драшер разложил на ковре с дюжину досье и делал заметки при помощи стилуса и инфопланшета, которые взял с ее стола.

— Мэкс, — начал он, — тут есть кое-что...

— Надевай куртку, — сказала она.

При дневном свете (хотя таковым это можно было назвать с натяжкой) Тихо выглядел ничуть не лучше. Из бокового окна стремительно несущегося транспортера Драшер мог хорошо разглядеть то, что ночью казалось лишь призрачными очертаниями. В темноте город навевал меланхоличное настроение. Теперь же все было вопиюще очевидно: следы огня, дыры от пуль, заполнившиеся водой ямы и кратеры, вызванные сотрясениями трещины на рокритовых плитах. Городские развалины казались лохматыми из-за травы, густой и неопрятной, которой постепенно зарастали пустыри между жилблоками и съемными домами.

Теперь Сады Тихо были повсюду, подумал Драшер. Природа вновь завладевала городом.

Они ехали в сопровождении двух машин Магистратума, с грохотом мчась по пустым автострадам.

— Свежий труп, — все, что сказала Мэкс. — В здании Рабочей комиссии.

Фалкен уже был на месте, а с ним — четверо вооруженных бойцов. По виду этого здания Драшер, пожалуй, не смог бы сказать, что это — Рабочая комиссия. Бронебойные снаряды изрыли фасад и выбили странные геометрические узоры на крыше. Задняя часть здания представляла собой темный пещерный лабиринт из уцелевших помещений.

— Там, внутри, — сказал Фалкен, закинув дробовик на плечо и ведя их в искореженные развалины. — Его заметили во время планового обхода, где-то полчаса назад.

Они забрались по рухнувшим балкам, покрытым плотной белой пылью. Тело лежало будто в гнезде из сломанных досок пола.

— Доброволец из гражданских, — сказал Фалкен. — Он здесь дежурил по ночам. У него было оружие, но, похоже, не было шанса его применить.

Мужчина лежал на боку, лицом к приближающимся людям — вернее, его отсутствием. Нечто разрубило его череп сбоку, по прямой линии, начиная от подбородка и до самой макушки. Это напомнило Драшеру пикт с анатомическим сечением из пособия по хирургии.

Драшер опустился на колени рядом с телом. Ровность и точность укуса озадачивала.

— Здание прочесали? — спросила Мэкс у Фалкена.

— Быстро осмотрели. Римбод говорит, что-то услышал.

Мэкс посмотрела на него.

— Правда?

— В задней части здания, вверху, мэм, — сказал Римбод. — Там явно что-то двигалось. Думаю, оно еще там.

— Так может быть? — спросила Мэкс Драшера.

Тот пожал плечами.

— Если его потревожили, прежде чем оно смогло поесть... Я думаю, да.

— Пошли, — приказала она. Мэкс и Фалкен двинулись вперед, опустив оружие. — Валентин, держись рядом с Эдвином, — сказала она через плечо. — Остальные — прикрывайте сзади. Римбод, показывай, куда идти.

Они проникли в темную, осыпающуюся громаду полуразрушенного здания, где каждый шаг поднимал клубы пыли. Фалкен, Римбод и Мэкс поднялись по лестнице, спускавшейся с остатков несущей стены. Пробираясь вперед вместе с рядовым по имени Эдвин, Драшер слышал, как другие идут по верхнему этажу, старый пол скрипит под их ногами, и вниз падают струйки пыли, точно в песочных часах. Также до Драшера доносились негромкие звуки из вокса Эдвина.

— Теперь налево, — это был Фалкен.

— Не заходи слишком далеко вперед, — ответила Мэкс.

— Там что-то есть!... Нет, ложная тревога.

Эдвин бросил нервный взгляд на Драшера.

— Все нормально, сэр? — спросил он.

Драшер кивнул.

— Что-то вроде большой кошки? — поинтересовался рядовой.

— Что-то вроде, — ответил Драшер. Он начал очень хорошо различать стук собственного сердца.

Когда это случилось, все произошло с такой яростью и скоростью, что у Драшера едва ли было время отреагировать. Раздался чудовищный, грохочущий залп — позже он понял, что это, видимо, был выстрел из дробовика Фалкена — за которым тут же последовала череда выстрелов из автоматического пистолета. В то же время вокс переполнился придушенными криками. Потолок над Драшером затрясся, словно в лихорадке. Послышался звук столкновения, затем падения. Вопль. Еще два залпа из дробовика.

— Какого Трона... — начал было Эдвин, подняв оружие и глядя вверх.

Потолок над ними провалился. Драшер и Эдвин оказались сбиты с ног и почти полностью засыпаны каскадом сломанных балок, досок и кирпичей. Известковая пыль наполнила воздух, словно удушливый, забивающий легкие туман. Раздался еще один выстрел.

Потолок над ними провалился. Драшер и Эдвин оказались сбиты с ног и почти полностью засыпаны каскадом сломанных балок, досок и кирпичей. Известковая пыль наполнила воздух, словно удушливый, забивающий легкие туман. Раздался еще один выстрел.

Драшер с трудом поднялся на ноги, отталкивая от себя сломанные доски. Он едва мог дышать. Эдвин лежал лицом вниз, без сознания. Что-то тяжелое упало через дыру в полу и приземлилось на него, едва не раздавив.

Драшер сморгнул.

— Нет! — закричал он.

Что-то тяжелое оказалось безликим телом бойца Магистратума, из рассеченных артерий которого били кровавые струи. Брызги покрыли стены, сверкая, словно рубины в пыли.

— Мэкс! — выкрикнул он. — Мэкс!

Он попытался подобраться к ней, хотя и знал, что уже слишком поздно. Затем что-то еще провалилось сквозь дыру в потолке. Что-то быстрое, темное, дикое. Это был убийца, животное, пытающееся найти путь к бегству.

Одна из его молотящих во все стороны конечностей с силой ударила Драшера, и он врезался в стену из гипсокартона, которая рассыпалась, словно старая марципановая глазурь.

На мгновение, на одну мимолетную секунду, прежде чем потерять сознание, он уловил ее очертания.

Облик.

Когда он пришел в чувство, на него сверху вниз смотрел Фалкен.

— С ним все нормально, — Фалкен сплюнул и отвернулся, вытирая пыль с лица.

Драшер быстро сел. Голова у него гудела.

— Мэкс? Мэкс?

— Что? — спросила она.

Драшер увидел ее — она сидела перед ним на корточках среди обломков. Фалкен поднимал на ноги едва пришедшего в себя Эдвина.

— Мэкс?

Она склонилась над телом. Драшер встал и теперь мог видеть, что изуродованный труп принадлежал Римбоду.

— Оно сбежало, — пробормотала Мэкс. — Оно убило Римбода, а потом сбежало.

Фалкен кричал другим бойцам, чтобы они прочесали заднюю часть здания.

— Что произошло? — спросил Драшер.

— Я не видела его, — сказала Мэкс. — Фалкен что-то разглядел и выстрелил. Потом все пошло к чертям собачьим.

— Оно спустилось здесь. После того, как... — Драшер помедлил. — Оно бросило сюда тело Римбода и последовало за ним.

— Ты его видел?

— Я не смог хорошо разглядеть, — ответил Драшер.

Мэкс чертыхнулась и ушла прочь. Драшер присел возле тела и слегка повернул его, чтобы можно было осмотреть рану. Тот же жуткий, чистый разрез через все лицо. Но на этот раз был еще один — неоконченный, сделанный чуть дальше линии отсекающего удара, как будто хищник был в ярости — возможно, испуган — и торопливо нанес первый удар, прежде чем довести дело до конца. Даже так, первый удар настолько глубоко ранил бок шеи и головы, что наверняка мгновенно убил Римбода.

Но даже в спешке он был таким чистым. Таким ровным.

— Кошка? Кошка это сделала?

Драшер оглянулся. Эдвин уставился на труп своего друга, и из пореза над его левым глазом сочилась кровь.

— Так говорят знатоки, — ответил Драшер.

Обратно, в штаб Магистратума, они ехали в молчании. Поиск не принес ни малейшего успеха. Убийца растаял в развалинах за Рабочей комиссией так быстро, словно иней летом.

— Ты подумал, что это я, правда? — наконец спросила Мэкс.

— Что?

— Труп. Я слышала, как ты закричал. Ты подумал, что оно меня убило.

Драшер кивнул. Он почувствовал, что сейчас у них вот-вот настанет этот момент — момент честности друг с другом, которая почти сравнима с интимностью. Он был готов признаться ей, как сильно его волнует то, что с ней может что-то случиться.

— Если ты не можешь найти разницу между мной и мужиком с волосатой задницей, — сказала она, — то я не испытываю больших надежд относительно твоей наблюдательности.

Он внимательно посмотрел на нее.

— И тебя в то же место, Мэкс.

Она оставила его в своем офисе и позволила продолжить сортировку досье. Ближе к вечеру какой-то сотрудник принес ему чашку чего-то переваренного и переслащенного. К тому времени он прикалывал находки к стенам и начал делать заметки на бумаге. Он воспользовался когитатором Мэкс, и тот выдал несколько карт с планировкой города.

Мэкс вернулась, как раз когда снаружи начинало темнеть.

— Хорошо, что ты здесь, — сказал он. — Тут есть кое-что, что нужно тебе показать.

Она выглядела бодро и жизнерадостно.

— Нет, сперва я тебе кое-что покажу, — сказала она.

Мэкс отвела его вниз, в морг. Там собралась толпа служащих и сотрудников в униформе, и атмосфера была почти что праздничная. Фалкен передавал по кругу бутылки с контрабандным амасеком, чтобы каждый мог хлебнуть.

— Вот и он! — закричал он. — Магос биологис Дрэшер!

Кто-то захлопал.

— Дрэшер, — поправил Дрэшер.

— Как знаешь, — сказал Фалкен, обняв Дрэшера за плечи. — Без тебя, дружище, я бы этого не сделал! И ведь действительно, ты был абсолютно прав! А? Что ты думаешь? Это ведь... э...

— Карнодон, — сказал Дрэшер, болезненно ощущая, насколько огромным кажется Фалкен, стоя рядом с ним и сдавливая его в объятьях.

Мертвый хищник лежал поперек четырех каталок, тяжелый и обмякший. Его клыкастая морда выглядела так, словно он скорчил гримасу, как будто он, как и Дрэшер, хотел быть где-нибудь в другом месте. Маленькие темные отверстия в животе показывали места, куда попали выстрелы Фалкена.

— Можно мне? — спросил Дрэшер, и Фалкен позволил ему подойти и осмотреть зверя. Толпа снова начала смеяться и говорить тосты.

Когда-то это было прекрасное создание, властитель своего мира, не страшщийся ничего. Хищник высшего порядка. Дрэшер печально улыбнулся, подумав об этой фразе. Крупный

экземпляр, с длиной тела примерно в пять с половиной метров; будучи здоровым, он весил бы девятьсот килограммов. Но к моменту его смерти — жалкой смерти загнанного существа — он весил меньше шестиста килограммов и так отощал, что ребра торчали наружу, как опоры палатки. Кроме того, он был стар и уже вышел из возраста размножения. Шкура была покрыта красными отметинами зудневой чесотки, и ее усеивали вши, грибки и паразиты. Тем не менее, Драшер провел рукой по его боку. Весь в узлах, хрящеватый, истощенный. Он оттянул черные губы и рассмотрел ряды зубов.

— Где вы его нашли? — окликнул он Фалкена.

— В подвалах под Лексиконом, — сказал тот, подойдя поближе. — Нам пришло сообщение. Мы, знаете, распространили вашу картинку. Спасибо за нее. Я пришел, увидел его, ну и пиф-паф.

Драшер кивнул.

— По правде сказать, — сказал Фалкен, понизив голос, — он не слишком-то собирался драться. Но я не хотел рисковать.

— Понимаю.

Фалкен повернулся обратно к толпе.

— За бедолагу Онни Римбода! — воскликнул он. — Это тебе, сынок!

Он предложил ближайшую бутылку Драшеру. Тот покачал головой.

— Спасибо за помощь, Дрешер, — сказал Фалкен.

— Драшер.

Подошла Мэкс.

— Валентин, я хочу поблагодарить тебя от имени всего подразделения, — сказала она. — Ты добился результата. Я оплачу Администратуму всю неделю, хорошо? Иди собери вещи. Кто-нибудь отвезет тебя домой сегодня вечером.

Драшер кивнул.

— Там транспортер ждет, — сказала Мэкс. Сумки Драшера аккуратной кучкой лежали за дверью офиса. Он как раз закрыл последнее досье и опустил его обратно в тележку.

— Хорошо, — сказал он.

— Что ж, было приятно с тобой работать. Спасибо. Как в старые времена, да?

— Как во Внешнем Юдаре, Мэкс? У меня явное впечатление, что ты вспоминаешь это с большей любовью, чем я.

— Все наладится, Валентин, — сказала она.

— Прежде, чем я уйду, — сказал он, — хотелось бы, чтоб ты кое на что взглянула.

— На что?

— Скажем так. Мне бы очень не хотелось, чтоб вы опять ехали до самого побережья, чтоб привезти меня снова.

Мэкс нахмурилась.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Убийца не был... он — не та кошка.

Мэкс провела рукой по губам, как будто призывая к терпению.

— Продолжай.

— Я с самого начала говорил, что это не животное.

— Ты же сказал, что надо искать карнодона.

— Давай я тебе кое-что покажу, — сказал Драшер. Он вытащил инфопланшет. Компактный экран показывал карту города, испещренную руническими символами. — Я сделал сопоставление. Видишь? Нанес на карту все места, где были найдены жертвы. Тридцать два тела.

— Я это и сама делала, причем постоянно. Ничего не увидела. Ни паттерна, ни четкого распределения.

— Согласен, — сказал Драшер. — Да, тут есть определенная концентрация убийств вот в этом полумесяце, но большая часть остальных слишком непредсказуема, слишком случайна.

— И?

— То первое тело, которое ты мне показывала в морге. Такой чистый, явный срез. Минимум признаков поедания, если они вообще были. Совсем как на сегодняшнем трупе в Рабочей комиссии. И у Римбода.

— Так. Лицо откушено.

— Да, вот только я не думаю, что оно было откушено. Помнишь, я сказал, что рана очень чистая? Почти что стерильная. Никаких следов бактерий, которые можно ожидать от укуса животного. Особенно, если это старый, больной хищник с деснами, кровоточащими от недостатка витаминов. Мэкс, я мог вытащить у этой бедной кошки зуб, просто расшатав его пальцами.

Ее лицо стало каменным.

— Продолжай, Валентин, — сказала она.

— Тело в трущобах, которое мы осматривали — это была работа карнодона. Он растерзал и частично сожрал труп. Я прочитал данные вскрытий. Девять случаев были как раз такими. Объединенные тела. Все жертвы были либо уже мертвы, либо беспомощны. Старые, немощные. Да, карнодон сбежал из зоологических садов, но он был слаб и давно вышел из расцвета сил. Он бродил по городу, не охотясь, но подбирая падаль. Это все, что он мог делать.

— Что же ты хочешь мне сказать? — тихо спросила Мэкс.

— Посмотри на карту еще раз. Вот, — Драшер покрутил реле. — Сейчас я убрал тела, которые можно приписать кошке. Слегка проясняет картину, а?

— Да, — согласилась она.

— Старый карнодон был голоден и питался, когда предоставлялся случай. У него не было определенного паттерна. Он просто бродил повсюду и ел, где мог. А то, что у нас осталось, представляет собой гораздо более четко ограниченную зону. Почти что территорию хищника. Убийства в этой зоне происходили так же, как с несчастным Римбодом — быстро, свирепо, чисто. Без поедания.

— Но это все равно странные границы, в виде полумесяца. Как этому можно придать треугольную форму?

— Посмотри на карту, Мэкс. Территорию определяет не только охотник, но и добыча. Полумесяц охватывает область к востоку от Рабочей комиссии. К западу ничего нет, потому что Отдел Военного Управления запретил посещение этой области. Оно не убивает здесь,

Мэкс, потому, что здесь некого убивать.

— О Трон... — пробормотала она.

— И это довольно приличный кусок территории, — улыбнулся Драшер. — Смотри, что будет, если зеркально отразить этот разброс, сделать проекцию, как если бы добыча была со всех сторон. Полумесяц становится...

— Кругом.

— Правильно, кругом. Вот он, центр. Вот этот чертов паттерн. Его территория. Прямо здесь.

Мэкс вела быстрее, чем когда-либо раньше. На заднем сиденье находились Эдвин и боец по имени Родерин. Оба проверяли заряды в своих дробовиках.

— Ты уверен в этом? — прошипела Мэкс.

— Мне нечего на это поставить, — ответил Драшер, — свою профессиональную квалификацию я, видно, уже израсходовал.

— Не умничай, — предупредила она. — Вы двое готовы? — окликнула она через плечо.

Эдвин и Родерин ответили утвердительно. Эдвин наклонился вперед.

— Я думал, мы поймали эту тварь, сэр, — сказал он. — Ну, то есть я думал, Фалкен ее подстрелил.

— Он убил кошку, — ответил Драшер. — Но убийцей была не она.

Мэкс начала замедляться — и вовремя. Второй транспортер Магистратума вылетел с прилегающей улицы на дорогу перед ними и помчался впереди.

— Фалкен, — прошептала Мэкс.

Они затормозили у здания Рабочей комиссии. С Фалкеном было двое рядовых, Леви и Мантень.

— Какого черта тут творится? — воинственно осведомился Фалкен. Он еще не совсем протрезвел после вечеринки в морге.

— Мы напали на след, — сказала Мэкс. — Веди себя прилично.

Фалкен взглянул на Драшера.

— Я застрелил его, убил наповал. Пиф-паф. Что за дерьмо опять?

— Какое-то другое, — сказал Драшер.

Они растянулись цепочкой, входя на заросший травой пустырь за Рабочей комиссией.

— Мэкс? — позвал Драшер. Она подошла к нему. — Мне нужно оружие.

— В старые времена ты...

— Мне бы очень хотелось получить оружие, — повторил он.

Мэкс кивнула, опустила свой дробовик, вытащила пистолет из кобуры и протянула ему.

— Предохранитель...

— Я знаю, как они работают, — отрезал он.

Они продвигались все дальше.

— Так что, это все связано с его территорией, да? — спросила она. Драшер кивнул.

— Ты видела карту. Мы входим на его территорию. Его охотничьи угодья.

— Почему ты так в этом уверен?

— Я уже сказал, ты видела карту. Дело в том, что мы говорим не о животном инстинкте. Не о территории, как понимает ее хищник. Мы говорим о приказах.

— Что? Какие приказы?

— Что это за место, Мэкс?

— Рабочая комиссия.

— А за ней?

— Валентин, это просто развалины.

— Да, но что это было до того, как превратилось в развалины?

— Здесь было главное здание Администратума в Тихо. Прежде чем танки сровняли его с землей.

— Вот именно. Центр Администратума. Мертвый центр, от которого распространяется паттерн. Во время гражданской войны что-то получило приказ сторожить эту жизненно важную точку, оберегать ее, оборонять.

Мэкс бросила на него цепкий взгляд.

— Это был человек?

Драшер пожал плечами.

— Нечто. Нечто, до сих пор защищающее ее. Мэкс, я мельком видел убийцу в Комиссии, сразу после того, как он убил Римбода. Это было человекоподобное существо.

Широко растянувшейся линией они вошли в руины Администратума. Некоторые остатки зданий были в два-три этажа высотой, словно скрюченные калеки, поддерживаемые ферростальными балками, видневшимися из-под рокрита.

Растения были повсюду, и, судя по всему, процветали. Блестошип, пальцелист, глазчатая капуста, вялая листва вьющейся трагедии. Воздух был едким от запаха гнилых корней, стоячей воды, плесени.

Драшер медленно осмотрелся. Мэкс шла рядом, подняв дробовик. Он бросил взгляд влево и увидел, как Фалкен, наклонившись, проходит в полуразрушенный дверной проем. Справа от него Эдвин целился в нависающие над ним стены, опутанные растительностью.

Леви приподнял квохчущую коробку ауспика.

— Что-то поймал. Очень слабый сигнал. Идет с запада.

Фалкен кивнул и исчез. Мэкс поспешила следом. Мантень прикрывал ее, нервно поглядывая вверх, на цветущие растения.

Крепко сжав оружие, Родерин проскользнул под разбитую арку.

— Горячо, очень горячо, — воскликнул Леви, поднимая ауспик, который стрекотал, как цикада.
— Трон, оно должно быть совсем рядом!

Дробовик Фалкена выстрелил. Раз. Другой. Затем еще один, будто эхо. Мэкс побежала вперед, и Драшер последовал за ней. Леви был прямо за ними. Мантень бросился за угол, на другую сторону стены.

Раздался вопль. Еще два выстрела. Три.

Мантень был мертв. Его рассекли от макушки до грудины. Кровь все еще брызгала из вскрытого тела высоко в воздух.

— Трон! — закричала Мэкс, оглядываясь кругом. Она услышала, как снова выстрелил Фалкен, за ним Эдвин. — Где оно? Где?

Леви почти что врезался в нее сзади, слепо следуя показаниям ауспика.

— Прямо там! Там!

Мэкс прицелилась и выстрелила раз, другой, каждый раз передергивая затвор. Она проделала огромную дыру в стене впереди.

В отдалении снова раздалось выстрелы Фалкена и Эдвина. Мэкс и Леви побежали на звук. Подняв пистолет, Драшер повернулся в другую сторону.

Этот хищник был умен. Очень умен и очень талантлив. Он знал все о дезориентации. Он мог обхитрить любого обычного человека, а затем рассечь его надвое. Он понимал военную тактику, потому что она была именно тем, чем занималось это существо. В него вложили программы. В него вложили приказы.

Тяжело дыша, Драшер осторожно обошел очередную разрушенную арку, крепко сжав в руках оружие. Пульс бешено колотился, и все казалось ему совершенно непонятным. Это больше не относилось к его навыкам. Это было не животное, чьи привычки и поведение он знал и понимал. Это было нечто противоположное.

Поэтому он и сделал противоположное. Если бы магос биологис лицом к лицу повстречал голодного хищника, последнее, что он сделал бы — вышел на открытое пространство. Но он сделал это и развернулся по кругу, целясь зажатой в обеих руках пистолетом.

На растрескавшемся полу впереди он увидел Родерина. Тот был убит, как и все остальные.

Драшер снова развернулся, крепко сжимая оружие.

Убийца прыгнул прямо на него.

Драшер нажал на спуск и не отпускал его. Восемь, девять, десять зарядов — все, что оставалось в пистолете Мэкс. Пули врезались в существо.

Оно упало, разорванное и сломанное, из пробитого туловища вывалились раздутые розовые внутренности. Человек, но вместе с тем не человек. Порождение гражданской войны. Усиленное аугметикой, сшитое ею, как проволокой, с черным визором вместо глаз, с проводами, пронизывающими плоть, и трясущимися руками, которые скрючились, демонстрируя жужжащие цепные лезвия, вшитые в его запястья.

Лезвия взвыли, соприкоснувшись друг с другом. Несмотря на пули, которые он в него всадил, оно снова встало. И прыгнуло прямо на Драшера.

Его оружие щелкнуло, лишенное патронов.

Его оружие щелкнуло, лишенное патронов.

— Ложись, Валентин!

Позади него Мэкс выстрелила из дробовика, и голова убийцы лопнула, как помидор. Сила выстрела отбросила его в сторону. Когда оно упало, цепи-лезвия все еще жужжали, вращаясь сами собой.

— Ты цел? — спросила она Драшера. Тот кивнул. — Ты был прав, как всегда.

— Рад служить.

— Серьезно, — сказала она, выходя вместе с ним из развалин, в то время как Фалкен и Эдвин всаживали в убийцу выстрел за выстрелом, чтобы убедиться, что он умер. — Серьезно, Драшер, я у тебя в долгу.

— Плата за неделю, как ты сказала. Я делаю то, что умею.

Он пошел в сторону, тщательно выбирая путь среди обломков.

— Валентин, я могу оплатить и две недели, никто не узнает.

Он пожал плечами и посмотрел на нее.

— Как насчет билета с этого булыжника? — спросил он со слабой, печальной улыбкой.

— Не могу этого позволить, — сказала она. — Извини. Бюджет и все такое.

— Я должен был спросить, — сказал Драшер. Он сел на кучку кирпичей.

— Смотри, — сказала Мэкс. — Ты же видишь, какая здесь напряженная ситуация. Отдел Военного Управления кое-как поддерживает порядок. Нам нужна вся помощь, которую мы можем получить, и особенно нам нужны острые, образованные умы, способные видеть детали. Что ты думаешь?

— И как я смогу помочь? — спросил Драшер.

Мэкс пожала плечами.

— Точно не знаю. Я, пожалуй, могу временно назначить тебя своим заместителем, пользуясь экстренными рычагами. Это не много, я знаю, но...

Драшер нахмурился.

— Учительская работа приносит немного, но, по крайней мере, она безопасна.

Он протянул ей пистолет.

— Ты уверен? — спросила она.

— Всякий раз, когда я провожу время с тобой, Мэкс, все это заканчивается захватывающим образом, — сказал он. — Слишком уж захватывающим для человека с моим складом характера.

— Эй, — несколько задетым голосом произнесла она, — но тебя же пока не убили.

Драшер улыбнулся.

— Пока что.

Мэкс кивнула.

— Ладно, — сказала она. Быстро поцеловала его в щеку, повернулась и пошла обратно к транспортерам.

Каждая развилка, которую когда-либо предоставляла ему судьба...

Правильный ли это был поворот? Драшер вздохнул.

— Мэкс? — окликнул он.

— Да?

— А мне дадут собственный стол?

Она ухмыльнулась, поворачиваясь обратно.

— Валентин, тебе дадут даже собственный диван.

Драшер поднялся и побрел по дороге за ней.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/665282>